

Дмитрий БОБЫШЕВ (США)¹

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Об альманахе «День Русской зарубежной поэзии»

Поэзия как средство пропаганды – давно отжившая идея... Теперь это литературный праздник, то есть возможность и повод для тех, кто считает себя поэтом, объявиться таковым на публике, поколобродить и покрасоваться. И – прекрасно! Пусть лишь одно опечаливает этот день, День поэзии – он, как и дата рождения, бывает (здесь уместен бессмертный стих **Александра Тимофеевского**) «к сожаленью... только раз в году», и приходится на 21 марта.

Весна, конечно, располагает... Хотя многим стихотворцам, включая самых звёздных, лучше пишется осенью. К тому же первый в мире День поэзии прошёл не где-нибудь, а в американской глубинке, в штате Огайо осенью, 15 октября 1938-го года, как раз в день, приходящийся на дату, когда родился великий **Публий Вергилий Марон**, автор «Буколик» и «Энеиды». Однако эксперты ЮНЕСКО имели своё соображение, назначив праздник на весну. Чиновное мероприятие – это не всегда плохо, и в бюрократизации календаря имеется некий толк для поэтов, а именно: возможные субсидии на аренду площадок для выступлений, афиши, призы, пробуждение прессы и шевеление общества.

Помню, как оживился замордованный сталинизмом и ждановщиной Ленинград в 1956-м, когда впервые устроили этот праздник, как вскружились головы местных талантов и поклонников. Литературная молодёжь бегала по Невскому проспекту от Дома книги к Лавке писателя на чтения московских знаменитостей – **Павла Антокольского** и **Бориса Слуцкого**. У многих подмышками были зажаты большие (*in folio*), не влезавшие в портфели, свежееотпечатанные и броско оформленные альманахи «День поэзии».

С тех пор такие издания выпускались ежегодно и повсегордно в советской, а затем и пост-советской России, хотя прежней яркости им уже недоставало, как в любом рутинно повторяющемся событии. И вдруг эта традиция расцвела заново в русской Диаспоре! Большой, красочный альманах «День русской зарубежной поэзии 2019», составленный **Владимиром Батшевым**, **Виктором Фетом** и

¹ Информация об авторе опубликована в разделе «Редакционная коллегия» (стр. 5).

Алишером Киямовым под редакцией **Гиршона Каприсчи**, вышел в издательстве «Литературный европеец». Надо отдать должное и **Владимиру Батшеву**, главному редактору издательства во Франкфурте-на-Майне, и упомянутым энтузиастам русской литературы, – они достойны всяческой похвалы за их культурное подвижничество. Совсем недавно (к мрачному юбилею Революции) был выпущен монументальный четырёхтомник «100 лет русской зарубежной поэзии», посвящённый четырём волнам эмиграции из России. И вот теперь – новый альманах с яркой обложкой, обещающий стать ежегодником!

Так в чём же отличие этого издания от аналогичных сборников, нерегулярно и лишь кое-где выходящих в метрополии? Прежде всего, составом авторов – в нём представлены те, кто живёт в долголетнем отрыве от родной почвы, в ином культурно-языковом окружении. Онтологическая бездомность, беспочвенность, безотечество – вот где находится главный нерв эмигранта, вот чем определяется драматическая «особинка» его поэзии! Этого не скажешь о поэтах из Белоруссии (а Украина в альманахе почему-то отсутствует). Нельзя же их считать эмигрантами: оказавшись в Ближнем Зарубежье, они всё-таки остались жить у себя дома. Впрочем, отчуждённость, хотя и единит многих участников сборника, выявляется в самых разных, самых противоречивых высказываниях. Я думаю, составители сознательно выстроили свой многоголосый текст с учётом таких контрастов.

И это не только сборник поэтов, но в равной степени и критиков, пишущих о поэзии. Подборки более известных поэтов хорошо подкрепляются отзывами на их книжки стихов. Авторы отзывов – критики **Берта Фраш**, **Анатолий Либерман**, **Екатерина Полянская**, **Владимир Никифоров**, **Андрей Лебедев** и **Александр Зимин**. Есть похвальные рецензии, есть и объективно аналитические, имеется интервью, взятое **Сергеем Яровым** у **Игоря Михалевича-Каплана**, филадельфийского издателя; кроме того, в альманахе опубликована подборка из критических мнений и отзывов на каждый из томов упомянутой антологии. Там же помещена обширная статья **Владимира Яранцева** «Свободная стихия» о юбилейном четырёхтомнике. Яранцев – литературный критик из журнала «Сибирские огни», пишущий на региональные темы, и мне показалось невероятным, с какой осведомлённостью он выступает на казалось бы далёкую от него тему. Не со всеми его положениями я согласен, но мне было интересно узнать, как он определит принципы, которыми руководствовался составитель: «В. Батшев обнажает здесь сполна ту самую субъективность, благодаря которой появилась эта антология. Состоит она (субъективность в совершенном неприятии всего советского, в том числе легальной, официальной литературы и «примазавшихся» к ней писателей... Не зря главным условием В. Батшев поставил безусловное

эмигрантство поэта: вернувшиеся в СССР или нынешнюю Россию, физически или печатно, сюда не вошли.»

Те же принципы он попытался осуществить в «Дне поэзии».

Открывается альманах подборкой **Юрия Нестеренко**, и это сразу задаёт тон празднику, – тон, как нельзя не заметить, атакующий, совсем не праздничный, заострённо полемический. Первое из стихотворений называется «Принцесса» и посвящено украинской девушке-снайперу «и всем девушкам и женщинам, воюющим за Украину». Сказочная, романтическая принцесса в этой балладе «наденет каску, и берцы, и камуфляж... поправит тяжёлый броник и выступит в свой поход», где она «будет спать в окопе... брести по грязи, и оптикой мучить глаз», пока у неё не «наложится перекрестье... и ткнётся в плечо приклад». Ещё один «москаль» готов! Да, таких стихов не напечатаетшь в российском «Дне поэзии» – разве что на (или в) Украине, и то надо было бы переводить их на мову. Что ж, эта баллада напоминает нам: всё ещё идёт война. Война неоконченная, воровская, предательская, подлая...

Нестерпимая ещё и оттого, что во взаимную ненависть оказались вовлечены родственные народы, прежде существовавшие в едином теле. Для меня это – как если бы левая рука пошла войной на правую...

Но для Нестеренко этой трагической двойственности не существует, и следующее стихотворение он называет «Пятиминутка ненависти», как у **Орвелла** в «1984». И действительно... С мастерством и словесным талантом, достойными лучшего применения, он провозглашает: «... ну какая же мерзость / Вся эта ваша (*то есть наша, русская... Дм. Б.*) духовность, державность, соборность... / Золотокупольность ваша, малинозвонность, / Миропомазанность ваша и первопрестольность / (с коей рифмуется только одна непристойность)...»

Далее он перечисляет ненавистные ему русские народные ремёсла, этническую одежду, фольклор, традиционную еду (особенно каши, но также борщи и водки-селёдки), сказки, атрибуты древности, климат, ландшафт, растительность, дороги... Ещё далее он ненавидит «ваши» (то есть якобы наши) плахи, кандалы, доносы, допросы (а кому они нравятся?).

И под конец ему мерзят уже все наши «...*веры, надежды, любви и удачи, / А воспевающие это всё – наипаче!*». Что же это за снайпер такой нашёлся, у которого прицел расфокусировался на всю нашу национальную культуру? Это напоминает пропагандные агитки **Эренбурга** и **Симонова**, призывавшие убивать как можно больше «фрицев». Однако в современной войне применяют не ковровые бомбардировки, а высокоточные удары, стараясь избежать потерь гражданского населения, и здесь стрела ненависти бьёт мимо цели.

Парадоксально в нём то, что автор выражает нелюбовь ко всему русскому на хорошем русском языке, изобретательно и ловко орудуя словом, хотя презирует даже «буки и веди», то есть саму нашу грамоту и письменность. Зачем же тогда писать «на языке врага»?

Очевидной антитезой этой филиппике противостоит небольшая поэма **Алишера Киямова** «Обучаясь грамоте», в которой любовно и образно описываются знаки старинного алфавита. Каждая буква, – Аз и те же Буки и Веди, и далее Глагол, Добро, Есть, даже Рцы, Юс малый, Ферт, Омега, не исключая Хер и, конечно же, Ять, – все они выступают красочными персонажами, играя свою роль в сказочной мистерии Русской Словесности. Боже, как я люблю этот язык со всеми его самоцветами, хризопразами и коромыслами, даже с похмельной белибердой и рваным баяном на тёщиных похоронах!

Беру себе в союзники **Владимира Штеле**, русского поэта, интеллектуала и плотника (предположительно, поволжского немца – так я вычислил из его стихов), ныне поселившегося в Германии. Это он в прежнем существовании ладил резные наличники на окна русских деревянных домов.

Собирал свежих досок обрезки
И славянский заучивал слог,
А с собою таскал я стамески,
Как алкаш под полой – бутылёк.

Вам наличники ладил резные,
Хоть и всё наперёд уже знал.
«Ты любил меня?» – спросит Россия.
Да любил, коль на русском писал.

Мастерил я с утра до заката:
Вот – узор, вот – корявый куплет.
Но боялся спросить: «А сама-то,
Ты любила меня или нет?».

Здесь точно схвачена главная боль в отношениях не только человека с человеком, но и человека со страной: любовь без взаимности. Эта проблема гонит людей с чувствительной, ещё не забуревшей натурой – в эмиграцию, в конфликт со своим прошлым, в отчуждение, в те отдалённости, куда Макар телят не гонял...

Свою заброшенность в Мире доносит до нашего слуха **Наталья Крофтс** из австралийского далека:

Ни вины, ни войны, ни выстрелов –
одиночество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,

я планету себе здесь выстрою
окрылённую тишиной...

... Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.
Обезвраженный.
Обезвреженный.
И почти уже
неземной.

В подобном вакууме оказался весьма одарённый поэт **Феликс Чечик**, когда-то писавший прятные стихи о последней простоте жизни, о ранней сексуальности и подростковых проблемах. Теперь его тема – одиночество. Что ж, эта тема когда-то питала творчество целой плеяды эмигрантских поэтов-экзистенциалистов, известных под объединяющим названием «Парижская нота». Для Чечика зарубежье оказалось бесплодной землёй, где нормальному человеку и выпить-то не с кем... Расставшись с закадычными друзьями, он вдруг почувствовал, что «остался в дураках»:

... полцарства пропил, и в живых
не числясь даже,
соображаю на троих
в ночном трельяже.

Но есть ещё на земле и более оживлённые «выселки», где слышится шум ветра, звучат энергичные голоса и распускаются цветы. В одном из таких мест живёт **Дина Меерсон**.

Драматические тучи,
Патетические грозы,
Солнце как счастливый случай,
Радуга – рояль в кустах.
Но цветут, простите, розы
Прямо через дождь тягучий.
Разговоры о погоде
В моде, в тему, на устах.

Треплет пальмы ветер дикий.
У него свои законы.
Но в разгаре сбор клубники,
И волнуются умы:
Будет снег в Иерусалиме?
Глядь, пылают анемоны.
Театральные приёмы
Нашей маленькой зимы.

Вот и в наших палестинах
Существует слово «холод»,
Море мёрзнет, камни стынут –
Всё трагично, как всегда.
Но сиянием исполнен,
Акварельно, нежно, сильно
Распускается, ликуя,
Бело-розовый миндаль.

Эти стихи написаны мажорно, легко и молодо, они представляют отрядный контраст многим, слишком многим «философским» элегиям, рассыпанным в сборнике... Ведь зачастую бывает, что лишь выйдя на пенсию и задумавшись о скоротечности жизни, люди берутся за перо, дабы излить свои печали по поводу новых, с утра появившихся морщинок и седин... Нет, они пишут и о любви тоже, ведь сердце эмигранта отзывается другому сердцу ещё безоглядней, чем где бы то ни было, не правда ли? Другое дело, что порой это получается вяло и опосредованно, а литературная эрудиция не заменяет живого чувства. Какое кому дело, если автор в далёком прошлом любил блондинок, а потом предпочёл брюнеток? Или вот, например, читаю: «Я вас любил...» и тут же в уме продолжаю «Любовь ещё, быть может...» и далее по **Пушкину**. Не тут-то было! Автор берёт и вдруг сворачивает пушкинский зачин на свой лад: «Она ещё, как в молодости, множит / Ревнивую печаль отвергнутого пса». Какое разочарование!

Есть и более резвые пенсионеры, которые лирически похваляются, как они «плющат молодух». Осторожно, тут начинается пошлость! Такая образность выходит за пределы вкуса, но, как говорится, это ещё что! Приведу один шедевр такого рода, который не вписывается даже в понятие пошлости, притом что это и не порнография. Может быть, китч (автор **Анатолий Аврутин**)?

Проклятый возраст... Впору в очередь
Вставать, к Всевышнему бредя...
Любимая годится в дочери –
Красавица, полу-дитя...
Всё «выкала»... А тут по имени
Шепнула, прикрывая крест:
«Родной... А ты удочери меня...
И я готова на инцест...»

Возможно, это сатира, и тут впору бы посмеяться, но насколько же отрадней читать простое и свежее изъяснение чувств... Это прекрасно, с цветаевской раскованностью получилось в стихах **Людмилы Лурье!**

Ты мне, как жар углю
Или поэту – слава...
Я так тебя люблю,
Как не имею права.

Я так тебе верна,
Как будто ты мой первый.
Я так с тобой смирна,
Что сатанеют нервы.

Я так с тобой нежна,
Как только я умею...
Я так тебе нужна,
Что разлюбить не смею.

Можно только позавидовать адресату стихотворения, но ещё лучше просто хранить в душе этот маленький шедевр, который мог быть написан как в эмиграции, так и в метрополии. Но преимущество (и сложность) эмиграции в том, что она даёт возможность вживаться в другие культуры, не растворяясь в них. Для творчества лучшего нельзя и придумать – зрение поэта распахивается, «как у испуганной орлицы», в глаза вливаются новые и новые образы открытого мира, и это не туристские фото-впечатления, а подлинные, личные переживания.

Такими приключениями чувства и мысли мне видятся стихи **Евгения Терновского**, представленные в «Дне поэзии» короткой подборкой. И французским, и русским читателям он более известен как прозаик-виртуоз набоковской школы, отмеченный признанием критики. Но его стихи – это не побочные пробы пера в постороннем жанре, это стихи, и это – поэзия.

Изысканный ритм, редкие созвучия и классические аналогии дают возможность Терновскому передать смятение души, заброшенной в чуждый мир, – души ранимой и многим обделённой, вплоть до потери былого «Я». Соответствие себе он находит у **Шекспира**, в трагедии «Король Лир». Преданный родней Эдгар, один из спутников безумного короля, бредёт по холодной равнине, где «ни укрытия, ни пня, ни деревца», и его причитания сливаются с голосом нашего поэта.

Прочь, семейки,
вон, сородичи, и сваты, и родня.
Впредь не смейте
поминать навек ушедшего меня!

Духовную, согревающую сердце поддержку поэт-эмигрант находит в культуре, его окружающей, в примерах и символах, настоянных на традиционных европейских святынях. Энергичное,

страстное стихотворение посвящено Падре Пио, которого причислил к лику святых папа Павел-Иоанн II, сам святой... Быть может, наш пёстрый мультирелигиозный мир этого не заметил, но мы оказались если не свидетелями, то всё-таки современниками беатификации христоролюбивого монаха, при жизни отмеченного стигматами. Очевидно, что вечность – это не застывшая данность, если в ней происходят такие события...

А Россия? Былого ведь не отрубешь от настоящего без кровавых травм. Как бы ни был погружён поэт в новое духовное и интеллектуальное окружение, душа его не беспамятствует. И я благодарен Терновскому за эпиграф из **Станислава Красовицкого** к стихотворению об оставленной России. Красовицкий – часть нашей общей поколенческой памяти. Это он когда-то поразил сверстников, написав:

Калитку тяжестью откроют облака,
И Бог войдёт с болтушкой молока.

Яркий талант, он впоследствии отказался от поэзии и был рукоположён в священнослужители. Следуя этой мысленной траектории, Терновский пишет стихи, исполненные обиды, упрёка и сочувствия:

Разве не Он приходил к вам, неслышно открыв калитку,
на бересте писал посланья, целил калику,
и за всех святых молился, почивших в Бозе,
повторяя живущим: радуйтесь и бойтесь!

Не Его ль словами жила – и спаслась Рассея,
ограды молитвой от большевика-фарисея,
уходя в изгнание, в тундру и катакомбы,
помятая ушедших, замученных, – тех, о ком бы

вам твердить надгробное слово или акафист,
воспевая и славя, а лучше того – каюсь
в том, что вы полстолетья покорно, слепо
принимали мумию за божественный слепок!

Здесь мне опять вспоминается былой Красовицкий, но не он сам, а по-детски наивно-мудрый вопрос его малолетнего сына: «А комсомольцы – кому они молятся?» Действительно, кому теперь молятся бывшие комсомольцы, и отчего в них не переводится агрессия?

Мы возвращаемся к теме, которая задала настроение всему альманаху, и эта тема – война. **Виталий Амурский**, живущий во Франции, посвятил ей цикл стихов «Венок Украине». Во вступлении он

пишет о войне как о несчастье для обеих сторон: «...беда эта не только в доме украинском, но и в доме русском». Сами названия стихотворений передают хроникальность этого цикла: «Пленный», «Похороны в Выбутах», «Ополченцы», «Дебальцево»...

В альманахе представлен и сам составитель **Владимир Батшев** двумя стихотворениями, весьма суровыми и по тону, и по теме, касающейся отношений изгнанника с «бывшим» отечеством. Не знаю, чем продиктованы его мрачные, но исполненные силой фантазии – мизантропией или провидческим вдохновением, но они повествуют о том, как на столицу державы-агрессора сыплются бомбы. Стоит привести целиком его назидание «Оставшимся»:

Вытирай свои глупые слёзы
и на небо спокойно взгляни –
над Москвою висят бомбовозы,
как прекрасны пожара огни.

Ничего понимать не пытайся,
и наука нам всем будет впредь –
то ли турки бомбят, то ль китайцы,
всё равно под ракетой сгореть.

И не надо страданий, не надо,
и не вой, ты, в предсмертной тоске.
Не хотела уехать в Канаду,
так сиди под бомбёжкой в Москве.

Сильно сказано! Даже сильнее, чем у одного из мизантропов прошедшего века: «Лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик». Там только вид, а здесь уже и пожар, и крах, и дым... И, чтобы не было никаких двойственных толкований, Батшев добавляет :

Как сладок дым отчества,
когда оно горит.

«Дым отчества» кочует в мировой поэзии веками и даже тысячелетиями, начиная с **Овидия Назона** с его «Понтийскими посланиями». Его подхватил **Державин**, затем **Грибоедов** и вот, наконец, Батшев. И у каждого он сладок по-своему. У гиперборейского изгнанника он означал дымы над кровлями родного Рима, с ароматом домашней готовки. Даже если это был горьковатый дым курных изб или бань, то и он приятно напоминал нашим Гавриле Романовичу и Александру Сергеевичу о приближении к дому. Да и сейчас – ежели морозным вечером повеет откуда-то дымком от берестяной растопки и

пахнёт от занимающихся пламенем берёзовых чурочек, то слаще этого запаха нет ничего в мире ароматов...

А от горящего отечества – не знаю...

*июнь 2019
Шампейн, Иллинойс*